

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК: 81'373.232

М.Г. Рыгалина

РУССКИЕ ФАМИЛИИ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОГРАФИИ

В статье рассматриваются русские фамилии как объект лингвокультурологического направления современной лексикографии. Обосновывается необходимость выработки специальных методов выявления и репрезентации историко-культурных сведений, транслируемых русскими фамилиями, анализируются различные виды и способы обнаружения экстралингвистической информации в структуре антропонимов. С учетом комплексного подхода к изучению языковых фактов осуществляется попытка создания полиаспектной структуры словарной статьи для «Лингвокультурологического словаря русских фамилий», проектируемого на материале официально-деловой письменности Колывано-Воскресенского горного округа конца XVIII в.

Ключевые слова: лингвокультурология, русские фамилии, лингвокультурная информация, семантико-мотивационный анализ, структура словарной статьи.

Среди многообразия отраслей, выделяемых сегодня в российской лексикографии, особое место занимает лингвокультурологическое направление, или лингвокультурология [1]. К лингвокультурологическим словарям относятся лексикографические работы, «в которых сочетаются лингвистические сведения с информацией об обозначаемых языковыми единицами культурных реалиях, а также фиксируются вербализованные представления, образы, ассоциативные связи, существующие в сознании носителей русского языка» [1. С. 306]. Не являясь совершенно новым, лингвокультурологическое направление представляет собой этап развития выделявшейся ранее лингвоэнциклопедической лексикографии, модифицируемой за счет обогащения круга объектов описания и источников фактического материала, углубления методов анализа описываемых объектов и т.д. Расширение корпуса и типологии лингвокультурологических словарей напрямую связано с активизацией исследовательского внимания к изучению языковых явлений в контексте проблематики «язык и культура» в современной отечественной лингвистике.

К одной из разновидностей лингвокультурологических словарей, по справедливому замечанию Н.А. Лукьяновой, относятся ономастики, поскольку в них «выявляется этимология исконных, заимствованных слов, субстратной лексики, а следовательно, воссоздаются первичные, прототипические представления и образы, которые связаны с тем или иным конкретным онимом или группой онимов» [1. С. 308]. Однако, создаваемые с помощью традиционного лексикографического инструментария описания языкового материала, они не преследуют специальных задач экспликации лингвокультурной информации, которая в случае необходимости извлекается аналитически. В лингвокультурологических ономастических словарях акцент на сведения историко-культурного порядка является жанрообразующим элементом, который предполагает создание специальных методов представления экстралингвистической информации, транслируемой именами собственными. Несмотря на подчеркиваемый исследователями высокий историко-культурный потенциал данных языковых объектов, разработка приемов их лингвокультурного описания, как и производство ономастических словарей собственно лингвокультурологического типа, редко оказываются в поле зрения российских исследователей.

Одним из наиболее проблемных в этом плане объектов ономастики являются русские фамилии, лексикографирование которых в последние десятилетия оказалось в центре внимания многих ономастологов ([2–9] и др.). Сложность лингвокультурнографической репрезентации фамилий связана со значительным разнообразием характера и способов обнаружения в их структуре экстралингвистической информации. Так, на самом внешнем уровне семантики языкового знака – уровне ассоциативного фона, связанного с фамилией, может быть выявлена информация лингвострановедческого плана: наличие известных носителей фамилии, прецедентный характер семейного имени. Образцы словарных статей, включающих в свою структуру дополнительную, ассоциативную информацию, вызываемую в сознании носителей языка тем или иным антропонимом, представлены в работах [10, 11] и др.

При исследовании исторического контекста бытования фамилий эксплицируются экстралингвистические сведения социолингвистического характера. Изучение их географической и социальной закреплённости позволяет оценить межтерриториальные связи, про-

следить пути миграции населения, выявить особенности общественного устройства, хронологию и специфику протекания экономических процессов. Данная информация включается в словарную статью, как правило, в виде иллюстративного материала, извлеченного из архивных актов и отражающего соотносительность фамилии с социальным статусом, этнической и территориальной характеристикой ее носителя (см. работы [12, 13] и др.).

Но историко-культурная специфичность фамилий, как и других имен собственных, не сводится только к закреплению за ними фонетической информации. По общему признанию исследователей, наиболее ценной с точки зрения лингвокультурного потенциала составляющей в имени собственном как «знаке вторичной номинации» (термин В.Н. Телия [14]) является его мотивирующая основа, т.е. внутренняя форма. Поскольку в акте номинации при выделении признака, который лежит в основе наименования, большую роль играют материальная и духовная культура, в контексте которых возникает данное обозначение [15. С. 58–59], то внутренняя форма слова трактуется как выражение национальной специфики языка, определенного видения мира, свойственного тому или иному народу. Такое понимание внутренней формы позволяет рассматривать этимологический анализ как один из основных методов «выявления идиоэтнической специфики имени, базирующегося на рассмотрении глубинных конструктивных принципов организации ономастического» [16].

При этом лингвокультурный потенциал основ русских фамилий, восходящих в большинстве своем к исконной апеллятивной лексике, может быть обнаружен на самых разных уровнях семантики мотивирующей основы. Это согласуется с современным взглядом на границы сферы значения слова, в которые включаются не только элементы, получившие формальное языковое воплощение, – денотат, лексические коннотации, но и не нашедшие отражения в языке – культурные коннотации [17. С. 162].

В существующей практике лексикографирования русских фамилий их этимологическая реконструкция чаще всего ограничивается выявлением денотативного компонента значения апеллятива, к которому восходит та или иная описываемая фамилия. На его основе эксплицируется информация этнографического характера, а антропонимы рассматриваются как хранители архаических, исчезнувших из быта и языка народа или локально ограниченных слов и понятий.

В словарях русских фамилий данные сведения находят отражение в форме этимологической справки, традиционно являющейся неотъемлемым компонентом словарных статей подобных работ.

Попытка выйти на более глубокий уровень сосредоточения в фамилиях внеязыковой информации, ее поиск на уровне коннотаций проявляются во включении в словарную статью комментария по поводу экстралингвистических причин использования того или иного мотивирующего признака в номинации (см. словари [5, 7] и др.) При этом неоднократно подчеркиваемый факт безвозвратной утраты связей фамильных основ с контекстом номинации не останавливает ономастологов, увлеченных идеей «проследить движение мысли в акте номинации, услышать голос человеческой личности, познающей и осваивающей мир» [18. С. 45]. В связи с этим довольно часто в словарях русских фамилий используется «метод догадки о мотиве номинации» на основе жизненного опыта и знаний исследователя, который, разумеется, не может дать научно значимых результатов [19. С. 115].

В то же время представляется, что для экспликации лингвокультурного потенциала фамильных основ, обнаружения глубинных конструктивных принципов фамильной номинации могут применяться и иные, более продуктивные, методы, например семантико-мотивационный анализ корпуса антропонимов. Теоретико-методологической основой данного метода является мысль о том, что отношения производности в языке характеризуются системностью, повторяемостью и регулярностью, которые проявляются «в существовании мотивационных моделей, охватывающих не единичные пары слов, а целые классы» [20. С. 114]. Согласно заявленному методу русские фамилии на основе обобщения семантики их основ, выявляемой путем этимологической реконструкции, группируются в семантические мотивационные модели, понимаемые как схемы наименования человека в одной из его сущностных характеристик. В соответствии с базовым тезисом антропоцентрической лингвистики о том, что «чем важнее в культурном отношении понятие, тем больше и детальнее оно параметризовано» [18. С. 45], выделяются более и менее аксиологически значимые образы и понятия, отраженные в основах русских фамилий. При этом установление связи между фактом активности использования в номинации одного и того же знака и сферой этнокультурных ценностей сопровождается лингвокульту-

рологическим комментарием, т.е. обращением «к экстраязыковым сущностям – ментальным образам, мифологическим представлениям, ритуальной сфере или практическому опыту» [20. С. 121].

Однако стоит отметить, что изложенный метод не претендует на статус единственно возможного при лингвокультурологическом и лингвокультурологическом описании русских фамилий. Напротив, современный комплексный подход к изучению языкового материала предполагает использование различных оптимальных средств и способов его интерпретации, что обусловлено пониманием структуры языкового знака как многоуровневого явления, а следовательно, разнородности лингвокультурной информации, обнаруживаемой на разных ее уровнях.

Данному подходу соответствует особая полиаспектная структура словарной статьи, которая разработана нами для «Лингвокультурологического словаря русских фамилий». В качестве источников эмпирической базы данного проекта использованы рукописные памятники официально-деловой письменности Колывано-Воскресенского горного округа конца XVIII в., находящиеся в Центральном хранилище архивных фондов Алтайского края¹. Обращение к историко-

¹ В работе использованы: Именные списки Барнаульского уезда Белоярской слободы. 1782 г. На 426 л. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 188; Именные списки крестьян и мещан, живущих по уездам в деревнях Колыванской губернии 1782 г. На 97 л. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 184; Именные списки купцов, мещан и их семей, живущих в Бийском уезде. 1796 г. На 227 л. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 874; Именные списки населения Барнаульской слободы Колыванского наместничества. 1795 г. На 311 л. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 811; Именные списки населения Бийского уезда Колыванской губернии. 1795 г. (Боровлянская слобода). На 223 л. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 818; Именные списки населения Шадринской слободы Колыванского наместничества. 1795 г. На 282 л. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 832; Именные списки переписи населения Колыванской губернии по 4-й ревизии. 1782 г. (г. Барнаул). На 248 л. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 226; Ревизские сказки переписи населения Колыванской губернии по 5-й ревизии. 1795 г. На 136 л. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 822; Ревизские сказки переписи населения Колыванской губернии по пятой ревизии. 1795 г. (Тальменская слобода). На 260 л. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 834; Ревизские сказки переписи населения по 5-й ревизии Колыванской губернии. 1795 г. (Белоярская слобода). На 368 л. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 819; Ревизские сказки переписи населения по 5-й ревизии Колыванской губернии. 1795 г. (Бийская слобода). На 216 л. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 825; Ревизские сказки переписи населения по 5-й ревизии Колыванской губернии. 1795 г. (Усть-Чумышская слобода). На 226 л. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 833; Списки населения Колыванской губернии по переписи 4-й ревизии. 1782 г. (Бийская слобода). На 394 л. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 231; Списки населения Колыванской губернии, составленные 4-й ревизией 1782 г. (Белоярская слобода). На 399 л. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 221.

региональным языковым фактам обусловлено сложившейся в современной антропонимике тенденцией освоения не исследованного ранее территориально и хронологически локализованного антропонимического материала. Это не только содействует составлению отсутствующего до сих пор полного инвентаря русских фамилий, но и позволяет представить содержательное своеобразие регионального антропонимикона.

В структуру словарной статьи, призванной наиболее объемно отразить экстралингвистический потенциал рассматриваемых фамилий, включены следующие информационные блоки:

- заголовочная единица;
- блок историко-региональной информации;
- этимологический блок;
- лингвокультурологический блок.

В качестве заголовочной единицы выступает русская фамилия, которая приводится в форме мужского рода именительного падежа единственного числа. Отсутствие указания ударения в фамилиях, грамматических, лексических, стилистических и других помет вызвано спецификой лексикографируемого материала.

Блок историко-региональной информации открывается иллюстративным примером бытования фамилии в документах Кольваново-Воскресенского горного округа конца XVIII в. В иллюстрирующий фрагмент текста включаются: полная антропонимическая формула носителя фамилии, его административно-территориальная прикреплённость в момент фиксации данных в памятнике письменности, время создания документа и ссылка на свидетельствующий источник. Иллюстративный материал, как и фамилия, вынесенная в заголовок словарной статьи, представлены в аутентичной орфографии памятников официально-деловой письменности конца XVIII в. В данный блок словарной статьи включены также сведения о более ранней фиксации фамилии и ее основы в других регионах Российского государства. Их составляют данные о месте (город, регион) проживания носителей фамилии и времени фиксации фамилии в документе, извлеченные из словарей русских фамилий, прозвищ и некалендарных имен. Содержание блока историко-региональной информации позволяет восстановить социокультурный фон бытования фамилии, сделать предварительную оценку уникальности / вторич-

ности описываемой фамилии, а в связи с этим уточнить возможные направления внутренней миграции ее носителя.

Этимологический блок информации словарной статьи содержит одну или несколько гипотез о характере основы фамилии и ее семантической реконструкции. Для установления семантики апеллятива, к которому восходит ее основа, источниками являлись толковые, исторические, диалектные, этимологические, антропонимические словари. Посредством справки об этимологии фамильной основы в словарную статью вводится информация о материальной культуре, отраженная на денотативном уровне апеллятива, к которому восходит описываемая фамилия. Ее составляют преимущественно этнографические и исторические сведения об определенных реалиях, предметах, профессиях, социальных характеристиках и др., понятия и названия которых вышли из общего употребления. Их подача заключается в объяснении того или иного историзма или архаизма, содержащих необходимый минимум экстралингвистической информации о понятии. В случае если фамильная основа образована от неличного наименования, в данный блок могут быть включены переносные значения слова, т.е. лексические коннотации, сопровождающие апеллятив и отраженные в словарях. На основе данных значений делается предположение о возможных мотивационных признаках номинации – различных чертах и свойствах личности именуемого.

Лингвокультурологический блок информации отражает выводы о этнокультурной значимости, гипотетических причинах использования лексики с тем или иным значением в фамильной номинации. Основным мотивом ее регулярности признается актуальное информационное пространство языковой общности – географический и социальный контекст народной жизни, этические и эстетические нормы этнического коллектива. О данных мотивах можно говорить постольку, поскольку «специфика местных условий жизни накладывает особый индивидуализированный отпечаток на ономастику <...> народа, придавая неповторимость ее спектру» [21. С. 18]. Однако не меньшее значение для объяснения продуктивности использования определенных групп лексики в номинации человека могут иметь внутренние причины соотношения человека с тем или иным понятием или образом, восходящие к мифопоэтической народной традиции. О том, что основы русских фамилий – некалендарные имена,

прозвища – являются проводниками культурно обусловленных смыслов реалий этнической жизни, свидетельствуют глубинные связи между именем, имянарекением и мифом, установленные древним мифологическим мышлением [22]. Источниками лингвокультурологического комментирования фамильных основ являлись материалы словарей, энциклопедий и монографических трудов, статей по истории России, русского быта и нравов, славянской мифологии.

В качестве примера лингвокультурографического описания русских фамилий жителей Колывано-Воскресенского горного округа конца XVIII в. представим образцы отдельных словарных статей.

Баюнов Иван Андреев Баюнов, д. Баюновой Белоярской слободы, 1782 г. (Д. 221. Л. 4). Факты более ранней фиксации фамилии и ее основы: в 1680 г. на Урале [13]¹.

Основа фамилии восходит к апеллятиву *баюн* – «говорун, рассказчик» (Перм., 1848 г., Вят., Твер., Яросл., Влад., Костром., Ворон., Урал., Якут.); «прозвище говорливого человека, краснобая» (Курган., Тобол., 1896 г., Том., Перм., Олон., Вят., Волог., Твер., Яросл., Костром., Новг., Казан., Нижегород.) [23. С. 166].

Наименования человека по его речевым особенностям обладают высокой продуктивностью в качестве основ русских фамилий, поскольку данные качества осмысляются как наиболее универсальные и типичные в поведении человека. В сфере прагматического народного восприятия понятие, выражаемое глаголом *баяти* – «рассказывать басни, вымыслы» (XV в.); «говорить, болтать» (XVII в.) [24. С. 83], от которого образовано слово *баюн*, могло оцениваться негативно, как интеллектуальная ущербность, препятствие для продуктивного труда, обеспечения жизни. Подтверждение этому находим в русских паремических текстах эпохи, близкой ко времени оформления фамилий. Ср., например: *Много знай, да мало бай! Много баить не подобает; Складно бает, да дела не знает* [25. С. 255–261]. О мифопоэтических значениях данной номинации свидетельствует особая значимость говорения в народной традиции. Процесс говорения представляется древним творческим началом: «произнесенное слово заключало в себе образ тотема», и акт называния детерминировал его прибытие, его живое присутствие [26. С. 36–37]. Данный

¹ Здесь и далее номера ссылок, приведенных в примерах словарных статей, соотнесены с общей нумерацией источников списка литературы настоящей статьи и могут не совпадать с соответствующими номерами ссылок в проектируемом словаре.

факт подтверждается наличием у слова *баяти*, к которому восходит указанный апеллатив, помимо значений говорения, более древнего значения, указывающего на соотнесенность говорения с магической практикой, ср. *баяти* – «ворожить (наговорами, заклинаниями)» (1073 г.) [24. С. 83]. Ср. также в связи с этим имя фольклорного персонажа: *Кот-баюн* (Арх., Вят.) [23. С. 166].

Бердников *Михаило Савинов Бердников г. Барнаула, 1782 г.* (Д. 226. Л. 104). Факты более ранней фиксации фамилии и ее основы: в 1623, 1647 гг. в Приуралье [7. С. 30], в 1627 г. в Белеве [27. С. 36], в 1629 г. в Болхове [28. С. 47], в 1680 г. на Среднем Урале [13], в 1668–1719 гг. в Зауралье [6. С. 56].

Основа фамилии может восходить к одному из омонимичных апеллативов. 1. *Бердник* – «бердный мастер» (1500 г.) [24. С. 140], т.е. мастер, изготавливающий берда – «детали ткацкого стана, род гребня, для прибоа утока, для чего каждая нить основы продета в набор или зубья берда» [29. Т. 1. С. 121]. 2. *Бердник* – «войсковой начальник у татар» (1660 г.) [24. С. 140–141]. Учет историко-культурных оснований номинации позволяет оценить первую этимологическую гипотезу как более достоверную.

Наименования человека по его «профессиональной» характеристике широко распространены в русской антропонимической номинации в силу ее большой социальной идентифицирующей роли. Особую продуктивность среди них имели названия ремесленников, которые в традиционной культуре связывались с наличием уникальных знаний, «закрытых», тайных для непосвященных, что нередко порождало мифологические представления об отдельных традиционных занятиях [30. Т. 4. С. 423–424]. Статус ремесленных профессий определялся представлением о магических свойствах предметов, которые обрабатывались, создавались в процессе деятельности или при помощи которых воздействовали на вещество. Такое положение в традиционной культуре мог занимать образ бердника, который, с одной стороны, являлся обработчиком дерева – наиболее ритуализированного природного материала: предметы из него выполняли в обрядности продуцирующую, профилактическую и апотропеическую функции [30. Т. 2. С. 65]. С другой – он был изготовителем берда – детали ткацкого станка, гребня, служащего для разделения нитей основы, которое, как и другие орудия ткачества, являлось инструментом народной магии [30. Т. 1. С. 154]. В связи с этим назва-

ние бердника могло содержать культурные коннотации, использоваться в качестве оберега.

Блинов *Афонасей Петров Блинов, д. Талицы Белоярской слободы, 1782 г.* (Д. 188. Л. 278). Факты более ранней фиксации фамилии и ее основы: в середине XV в. [27. С. 40], в 1485–1505 гг. [28. С. 49], в 1518–1519 гг. в Карелии [5. С. 49], в 1623 г. в Приуралье [7. С. 32], в 1663–1719 гг. на Урале [13], в 1710 г. в Зауралье [6. С. 62].

Основа фамилии восходит к апеллятиву *блин* – род хлебного из жидко растворенного пресного или кислого теста, поджаренного лепешкой на сковороде, изготавливаемого из пшеничной, ячневой, овсяной, гречневой муки [29. Т. 1. С. 134]. Фамильная основа может характеризоваться как неязыковой мотивированностью, так и условностью номинации. В пользу того, что фамилия восходит к метафорически мотивированной основе, выступает распространенность в языке употребления слова *блин* по отношению к человеку, например, по его внешним данным, ср. *рожа, что блин* (Карел.) [5. С. 49]; *От лени губы блином обвисли*; по поведенческим особенностям, ср. *Блином масляным в рот лезет, льстит*; *Как блины, со сковороды, наподхват* [29. Т. 1. С. 134–135]. Условность номинации подтверждается историческими данными: ср. семантические пары в антропонимических формулах, которые свидетельствуют о традиционном характере называния, *Оладья Блинов, 1498 г.* [28. С. 287–288], *Лев Данилович Оладья Блинов Монастырев, XV в.* [27. С. 230].

Использование лексики со значением блюд, продуктов питания обладает высокой продуктивностью в антропонимической номинации. Регулярность употребления данного признака обусловлена тем, что пища является наиболее близкой семантической сферой по отношению к человеку, поскольку удовлетворяет его первичные потребности. Этнокультурная уникальность «гастрономических» наименований кроется в выборе для антропонимических основ по преимуществу названий национальных, а также ритуальных блюд русской кухни, вероятно, в качестве оберегов. Апотропейной функцией могло характеризоваться и данное имя, поскольку основная символика блинов в народной традиции связана с представлением о смерти и потустороннем мире [30. Т. 1. С. 193–196].

Бобрецов *Иван Федоров Бобрецов, д. Черемной Подгорной Шадринской слободы, 1795 г.* (Д. 832. Л. 118). Фамилия и ее основа

не отмечены ни в одном из проанализированных источников, содержащих документированные сведения.

Основа фамилии восходит к апеллятиву *бобрец*, образованному от *бобр* – «бобр» (1389 г.); «шкурка, мех бобра» (1279 г.) [24. С. 253] и суффикса *-ец*, с помощью которого в древнерусский и старорусский периоды отсубстантивные неличные имена возникали в качестве дублетов производящих слов [31. С. 104]. Вероятно, фамильная основа представляла собой метафорическое прозвище, мотивом которого могло послужить сближение человека с образом бобра на фоне отдельных приписываемых животному народной традицией качеств, например цветовой символики, ср. зафиксированное в говорах *бобр* – «прозвище человека (за черный цвет волос)» (Яросл., 1899 г.) [32. С. 38], или психических особенностей: в восточнославянском фольклоре бобр наделяется добротой (возможно, основано на ассонансе *доброта бобра*) и плаксивостью [30. Т. 1. С. 200].

Использование «зооморфной» лексики отличается высокой продуктивностью в антропонимической номинации, что является ономастической универсалией, т.е. справедливо для большинства национальных языков и культур. Своеобразие зооморфных образов в национальных ономастиконах состоит в выборе названий животных, наиболее распространенных и значимых в фауне той природной зоны, на территории которой человек проживает. Бобр, представляющий ценность для охотничьего хозяйства, пушного промысла, занимал важное место в материальной культуре русского народа. Однако в антропонимии название бобра могло использоваться и в связи с рядом культурных значений, закрепленных в славянской традиции за данным животным, среди которых – брачная и эротическая символика [30. Т. 1. С. 199–200]. Они могли послужить основой для охранительного и пожелательного наименования.

Специальное привлечение русских фамилий в качестве объекта словаря лингвокультурологического типа представляет собой взаимное обогащение сразу нескольких ведущих отраслей современной лингвистики. Ономастика является «поставщиком» свежего фактического материала; в русле лингвокультурологии создаются новые теоретические основы и методы анализа имен собственных; посредством лексикографии разрабатываются принципы презентации их лингвокультурологического потенциала перед общественностью.

Литература

1. Лукьянова Н.А. Лингвокультурология в системе современной российской лексикографии (90-е гг. XX – начало XXI в.) // *Texne grammatikae* (Искусство грамматики). – Новосибирск, 2006. – Вып. 2. – С. 303–326.
2. Житников В.Ф. Фамилии уральцев и северян: опыт сопоставления антропонимов, образованных от прозвищ, в основе которых лежат диалектные апеллятивы. – Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1997. – 172 с.
3. Королева И.А. Словарь фамилий Смоленского края. – Смоленск : Смол. гос. пед. ун-т, 2006. 368 с.
4. Короткевич М.А. Словарь фамильных образований владимирских и рязанских памятников письменности XV–XVII вв. – Уфа : Вагант, 2009. – 112 с.
5. Кюришнова И.А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2010. – 672 с.
6. Парфенова Н.Н. Словарь русских фамилий конца XVI–XVIII веков (по архивным источникам Зауралья). – М. : Синергия, 2005. – 480 с.
7. Полякова Е.Н. К истокам пермских фамилий: словарь. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1997. – 276 с.
8. Полякова Е.Н. Словарь пермских фамилий. – Пермь : Книжный мир, 2005. – 462 с.
9. Чайкина Ю.И. Вологодские фамилии: этимологический словарь. – Вологда : Волог. гос. пед. ин-т : Русь, 1995. – 122 с.
10. Митрофанов В.А. Современные русские фамилии как объект лингвистики, ономастики и лексикографии : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1995. – 226 с.
11. Отин Е.С. Иванов // *Русская ономастика и ономастика России: словарь* / под ред. О.Н. Трубачева. – М. : Школа-Пресс, 1994. – С. 91–92.
12. Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. – М. : Наука, 1979. 279 с.
13. Мосин А.Г. Словарь уральских фамилий [Электронный ресурс]. – Екатеринбург, 2000. – Режим доступа: <http://www.okorneva.ru/proishojdenie-familiy-kamyshlovskogo-uezda-slovar-uralskih-familiy/>
14. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
15. Кияк Т.Р. О «внутренней форме» лексических единиц // *Вопр. языкознания*. – 1987. – № 3. – С. 58–87.
16. Березович Е.Л. Этнолингвистическая проблематика в работах по ономастике (1987–1998 гг.) [Электронный ресурс] // *Изв. Урал. ун-та. Екатеринбург, 1999. – Режим доступа: http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0013%2801_02-1999%29&xsln=showArticle.xslt&id=a11&doc=../content.jsp*
17. Толстой Н.И., Толстая С.М. Слово в обрядовом тексте (культурная семантика слав. **vessel*-) // *Славянское языкознание. XI Междун. съезд славистов: докл. рос. делегации*. – М., 1993. – С. 162–186.
18. Вендина Т.И. Словообразование как источник реконструкции языкового сознания // *Вопр. языкознания*. – 2002. – № 4. – С. 42–72.

19. Еремина Е.С. Отражение диалектных черт в современных русских фамилиях (на материале фамилий жителей г. Волгограда) : дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2005. – 300 с.
20. Толстая С.М. Мотивационные семантические модели // Русский язык в научном освещении. – 2002. – № 1 (3). – С. 112–127.
21. Суперанская А.В. К проблеме типологии антропонимических основ // Ономастика. Типология. Стратиграфия. – М. : Наука, 1988. – С. 8–19.
22. Топоров В.Н. Имена // Мифы народов мира : энцикл. – М., 1980. – Т. 2. С. 508–510.
23. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. – М.; Л. : Наука, 1966. – Вып. 2. 316 с.
24. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Ин-т рус. яз.; АН СССР. – М. : Наука, 1975. – Вып. 1. – 372 с.
25. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М. : ЭКСМО-Пресс : Изд-во ННН, 2002. – 616 с.
26. Маковский М.М. «Картина мира» и миры образов: Лингвокультурологические этюды // Вопр. языкознания. – 1992. – № 6. – С. 36–53.
27. Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. – М. : Наука, 1974. 382 с.
28. Тушиков Н.М. Словарь древнерусских личных имен. – СПб., 1903. – 857 с.
29. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 2 т. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
30. Славянские древности: этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 1995–2012.
31. Азарх Ю.С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка / Академия наук СССР, Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1984. – 248 с.
32. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. – Л. : Наука, 1968. – Вып. 3. – 360 с.

RUSSIAN SURNAMES AS AN OBJECT OF LINGUISTIC CULTUROGRAPHY.

Tomsk State University Journal of Lexicography, 2014, 1 (5), pp. 92–107.

Rygalina Mariia G., Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: bochmariya@yandex.ru

Keywords: linguistic culturography, Russian surnames, linguocultural information, semantic-motivational analysis, structure of dictionary entry.

The article considers Russian surnames as an object of linguistic culturography, which is a linguoculturological branch of modern lexicography. This branch supposes a combination of the linguistic data with the information about cultural realia which are represented by language units. The linguoculturological potential of surname dictionaries is confirmed by their focus on the recreation of the underlying, prototypal notions and images connected with one anthroponym or another. Herewith, arguments are given for the need in the elaboration of specific methods which will allow revealing and representing historical and cultural data translated by surnames.

The reason of the difficulty of the linguistic culturographic description of surnames is connected with the diversity of types and ways of explicating extralinguistic information in the surname structure.

Among them, the motivating basis of surnames, their inner form, is acknowledged to be the most valuable source of historical and cultural data. In modern linguistics this inner form is considered to be the expression of the language national specificity, certain view of the world characteristic for a nation.

The article describes one of the methods of explication of historical and cultural data which are translated via different semantic components of surname stems – the semantic-motivational analysis of anthroponyms. Its theoretical and methodological basis is the idea that there is a system of derivative relations in the language and there is a connection between the repeated use of one and the same sign in nomination and the sphere of ethno-cultural values. The conclusions made with this method are taken into account when writing dictionary entries for *The Linguoculturological Dictionary of Russian Surnames* which is designed on the basis of the formal written language of the Kolyvan-Voskresensk mining district of the end of the 18th century. A special poly-aspect structure was created in order to most fully reflect the extralinguistic potential of the surnames studied. Aside from the headword, a dictionary entry contains:

- a historical regional information block which allows revealing the socio-cultural background of the surname being;
- an etymological block which introduces ethnographic and historical information;
- a linguoculturological block which contains conclusions about the productivity, axiological significance, hypothetical ethno-cultural reasons of the vocabulary usage with one meaning or another in surname nomination.

The article presents samples of certain dictionary entries as an example of linguistic culturography description of Russian surnames of the Kolyvan-Voskresensk mining district residents of the end of the 18th century.

References

1. Luk'yanova N.A. Lingvokul'turografiya v sisteme sovremennoy rossiyskoy leksikografii (90-e gg. 20 – nachalo 21 v.) [Lingvo-culturography in the system of modern Russian lexicography (1990th – early 21st century)]. *Texne grammatike (Iskusstvo grammatiki)*. Novosibirsk, NGU, Orthodox Gymnasium of St. Sergius of Radonezh Publ., 2006, no. 2, pp. 303–326.
2. Zhitnikov V.F. *Familii ural'tsev i severyan: opyt sopostavleniya antroponimov, obrazovannykh ot prozvishch, v osnove kotorykh lezhat dialektnye apellyativy* [Surnames of Uralians and Northerners: comparison of anthroponyms derived from the nicknames that are based on dialect appellatives]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University Publ., 1997. 172 p.
3. Koroleva I.A. *Slovar' familii Smolenskogo kraya* [The Dictionary of Surnames of Smolensk Region]. Smolensk, SGPU Publ., 2006. 368 p.
4. Korotkevich M.A. *Slovar' famil'nykh obrazovaniy vladimirskikh i ryazanskikh pamyatnikov pis'mennosti XV–XVII vv.* [The Dictionary of Surname Formations in Vladimir and Ryazan Literary Texts of the 15th – 17th centuries]. Ufa, Vagant Publ., 2009. 112 p.
5. Kyurshunova I.A. *Slovar' nekalendarnykh lichnykh imen, prozvishch i famil'nykh prozvaniy Severo-Zapadnoy Rusi XV–XVII vv.* [The Dictionary of Non-Calendar Personal Names, Nicknames and Family Names in Northwest Rus' of the 15th – 17th centuries]. Saint-Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2010. 672 p.

6. Parfenova N.N. *Slovar' russkikh familiy kontsa XVI–XVIII vekov (po arkhivnym istochnikam Zaural'ya)* [The Dictionary of Russian Surnames of the late 16th – 18th centuries (by Trans-Urals archival sources)]. Moscow, Sinergia Publ., 2005. 480 p.
7. Polyakova E.N. *K istokam permskikh familiy: slovar'* [To the origins of the Permian surnames: dictionary]. Perm, Perm Univ. Publ., 1997. 276 p.
8. Polyakova E.N. *Slovar' permskikh familiy* [The Dictionary of Perm Surnames]. Perm, Knizhnyy mir Publ., 2005. 462 p.
9. Chaykina Yu.I. *Vologodskie familii: Etimologicheskii slovar'* [Vologda Surnames: An Etymological Dictionary]. Vologda, VGPI, Rus' Publ., 1995. 122 p.
10. Mitrofanov V.A. *Sovremennye russkie familii kak ob"ekt lingvistiki, onomastiki i leksikografii. Dis. kand. filol. nauk* [Modern Russian surnames as the object of linguistics, onomastics and lexicography. Philol. Cand. Diss]. Moscow, 1995. 226 p.
11. Otin E.S. *Ivanóv* [Ivanov]. In: *Russkaya onomastika i onomastika Rossii. Slovar'* [Russian onomastics and onomastics of Russia]. Moscow, Shkola-Press Publ., 1994, pp. 91–92.
12. Baskakov N.A. *Russkie familii tyurkskogo proiskhozhdeniya* [Russian surnames of Turkic origin]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 279 p.
13. Mosin A.G. *Slovar' ural'skikh familiy* [The Dictionary of Ural Surnames]. Ekaterinburg, 2000. Available at: <http://www.okorneva.ru/proishojdenie-familiy-kamyshlovskogo-uezda-slovar-uralskih-familiy/> (accessed 08.04.2014).
14. Teliya V.N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokulturologicheskii aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1996. 288 p.
15. Kiyak T.R. O "vnutrenney forme" leksicheskikh edinits [On the inner form of lexical units]. *Voprosy yazykoznavaniya*, 1987, no. 3, pp. 58–87.
16. Berezovich E.L. *Etnolingvisticheskaya problematika v rabotakh po onomastike (1987–1998 gg.)* [Ethnolinguistic issues in works on onomastics (1987 – 1998)]. *Izvestiya Ural'skogo Universiteta. Gumanitarnye nauki*, 1999, no.13, pp. 128–142.
17. Tolstoy N.I., Tolstaya S.M. [Word in the ritual text (cultural semantics of the slav. *vessel-)]. *Slavyanskoe yazykoznanie. XI Mezhdunarodnyy s"ezd slavistov. Doklady rossiyskoy delegatsii* [The 11th International Congress of Slavists "Slavic linguistics". Reports of the Russian delegation]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 162–186. (In Russian).
18. Vendina T.I. Slovoobrazovanie kak istochnik rekonstruktsii yazykovogo soznaniya [Word formation as a source of linguistic consciousness reconstruction]. *Voprosy yazykoznavaniya*, 2002, no. 4, pp. 42–72.
19. Eremina E.S. *Otrazhenie dialektnykh chert v sovremennykh russkikh familiyakh (na materiale familiy zhitel'ey g. Volgograda). Dis. kand. filol. nauk* [Dialectal features as reflected in modern Russian surnames (based on the surnames of Volgograd residents). Philol. Cand. Diss]. Volgograd, 2005. 300 p.
20. Tolstaya S.M. Motivatsionnye semanticheskie modeli [Semantic-motivational modals]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2002, no. 1 (3), pp. 112–127.
21. Superanskaya A.V. *K probleme tipologii antroponimicheskikh osnov* [On the problem of typology of anthroponomical bases]. In: *Onomastika. Tipologiya. Stratigrafiya* [Onomastics. Typology. Stratigraphy]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 8–19.
22. Toporov V.N. *Imena* [Names]. In: *Mify narodov mira: Entsiklopediya* [Myths of the world: An Encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1980, vol. 2, pp. 508–510.

23. Filin F.P., Sorokoletov F.P. (eds.) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The Dictionary of Russian Vernaculars]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966, Issue 2. 316 p.
24. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.: v 28 tomakh* [The Dictionary of the Russian Language in the 11th–17th centuries. In 28 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1975, Issue 1. 372 p.
25. Dal' V.I. *Poslovitsy russkogo naroda* [Russian proverbs]. Moscow, EKSMO-Press Publ., NNN Publ., 2002. 616 p.
26. Makovskiy M.M. "Kartina mira" i miry obrazov: Lingvokulturologicheskie etyudy ["Picture of the world" and the worlds of images: Linguoculturological sketches]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1992, no. 6, pp. 36–53.
27. Veselovskiy S.B. *Onomastikon. Drevnerusskie imena, prozvishcha i familii* [Onomasticon. Old Russian Names, Nicknames and Surnames]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 382 p.
28. Tupikov N.M. *Slovar' drevne-russkikh "lichnykh" imen"* [The Dictionary of Old Russian Proper Names]. Saint-Petersburg, I.N. Skorokhodov Publ., 1903. 857 p.
29. Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow, OLMA-PRESS Publ., 2002. In 2 vols.
30. Tolstoy N.I. (ed.) *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar' v 5-ti tomakh* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary in 5 vols.]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1995–2012.
31. Azarkh Yu.S. *Slovoobrazovanie i formoobrazovanie sushchestvitel'nykh v istorii russkogo yazyka* [Word formation and form-building of nouns in the Russian language history]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 248 p.
32. Filin F.P., Sorokoletov F.P. (eds.) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The Dictionary of Russian Vernaculars]. Leningrad, Nauka Publ., 1968, Issue 30. 360 p.